

Митрополит ВЛАДИМИР (ИКИМ)

Принципы православно-исламского диалога

Прежде чем говорить о возможности межрелигиозного взаимодействия, я должен подчеркнуть, что являюсь решительным противником так называемого гиперэкуменизма, то есть потуг измыслить на основе мировых религий некое единое «суперучение». Занятие это бессмысленное и с точки зрения любой религии — кощунственное.

Каждая мировая религия претендует на обладание полнотой Божественного Откровения, каждая имеет собственный вероучительный фундамент, который невозможно сдвинуть ни на миллиметр.

Вопрос о том, какой именно путь приводит к вечности Божией, разрешается только в этой вечности, за пределами земного существования, однако здесь на земле, во временном бытии сотрудничество между Православием и Исламом оказывается не просто возможным, но — насущно необходимым. И, как это ни парадоксально звучит, именно яркая несовместимость наших вероучений, практическая нереальность взаимных миссий является одной из главных предпосылок такого сотрудничества.

Перечень земных, нравственных добродетелей, к которым призываются верующие, в Православии и Исламе почти одинаков. Христианство часто называют религией любви, Ислам — религией справедливости. Сущностное различие наших мировоззрений — в определении того, какое из двух этих великих чувств должно главенствовать при служении человека Богу. Но в земной жизни — справедливости не о чем спорить с любовью.

«Если возможно, будьте в мире со всеми людьми», — заповедует Евангелие.

«Кто примирит и уладит, милость тому от Аллаха; ибо Аллах любит справедливых», — гласит Коран.

При этом: знать то общее, что существует в наших религиях, очень и очень полезно. Предубеждения с христианской стороны есть следствие элементарного невежества, предельно слабых знаний об Исламе. Для многих это может стать поразительным открытием: при ближайшем рассмотрении мусульмане оказываются несравненно лучшими христианами, чем бесчисленные псевдохристианские конфессии, которые, по выражению святителя Игнатия (Брянчанинова), «уже в Бога насилию веруют». Сектанты измыслили собственное учение, противоречащее духу Нового Завета. Они не поклоняются святым Божиим, не веруют в непорочное зачатие Христа от Пречистой Его Матери, называют «мифами» засвидетельствованные в Евангелии чудеса Господни, — то есть отвергают те истины христианства, в которые твердо верят и мусульмане.

Аллах мусульман — это Тот же Единый Бог, Создатель и Владыка мироздания, Которому поклоняются христиане. Так же, как и мы, мусульмане верят во Всемогущество и Всеведение, Милосердие и Правосудие Творца. Ислам знает о грядущем всеобщем воскресении мертвых и Страшном Суде, о загробной награде праведным и наказании злым. Коран восхваляет тех же патриархов и пророков древности, что и Библия: от Авраама (Ибрахима) и Моисея (Мусы) до святого Иоанна Предтечи (Йахьи) и апостолов Иисуса Христа («помощников Аллаха»).

Личность Иисуса Христа в мусульманстве окружена высоким почитанием. Целая глава Корана, сура «Марйям», посвящена Его непорочному зачатию от Духа Божия и чудесному рождению от Пречистой Девы Марии (Госпожи Марйям). Мусульмане исповедуют Иисуса — Мессией, то есть Христом, и называют Его Словом Божиим (о чем в Евангелии сказано: «Слово, бывшее у Бога от начала»¹). По мусульманскому учению, Он — единственный «чистый и безгрешный» среди пророков: все остальные, включая Мухаммеда, нуждались в прощении от Аллаха. Выдающийся мусульманский богослов Аль-Бадави говорит о чудесном рождении Иисуса так: «Это выдающееся событие ставит Ису (мир Ему!) выше всех людей и вестников, так как Он был рожден без содействия человека». Мусульмане знают, что Христос исцелял силою Божией прокаженных и слепорожденных, воскрешал мертвых. Список Его чудес в Коране даже больше, чем в Евангелии. Исламу известно о телесном вознесении Иисуса на Небеса: «Аллах вознес

¹ Ин. 1: 1.

Его к Себе, ведь Аллах велик и мудр»². Мусульмане веруют, что Иисус вновь придет, чтобы победить духов злобы и царствовать над человечеством.

Предубеждения, основанные на непонимании, существуют и с другой стороны. Исследователи полагают, что Мухаммед не был знаком с Православием, а встречался лишь с несторианами, монофизитами, а также с представителями мелких еретических сект. Именно против сектантских извращений направлены те места Корана, которые недобросовестные толкователи пытаются обратить против христианства в целом. В свое время Мухаммед столкнулся с «людьми из Найрана», взгляды которых представляли собой некую дикую мешанину из язычества и христианства. Привыкнув поклоняться женскому идолу Иштар, в качестве ее замены они объявили «богиней» и «женой Бога» Деву Марию, а «их сына» сделали третьим своим кумиром. Эта ересь отражена в сочинениях Ахмеда аль-Макризи и Ибн Хазма, сейчас нечто подобное высказывает секта «Богородичный центр». Но христиане никогда не считали Иисуса «сыном Бога» в грубом земном смысле, они никогда не поклонялись трем отдельным божествам. Подобные представления являются богохульством как с мусульманской, так и с христианской точки зрения.

Предметом недопонимания среди мусульман служит догмат Троичности. Но этот догмат относится к внутренней жизни Единого Бога — области, которой Ислам просто не занимается, считая такое знание абсолютно недоступным; христиане же веруют, что это Откровение им даровано.

Не обращаясь к высказываниям христианских богословов, можно процитировать слова одного из крупнейших исламских авторитетов — имама аль-Рази, который предпринял труд вдумчивого изучения христианства. Вот что он пишет: «Христиане утверждают о Боге так: “Это Одно Существо, имеющее Три Личности (Ипостаси). И эти Три являются Единым Богом, подобно тому, как солнце имеет диск, лучи и тепло”. Они понимают так, что “Отец” — Личность, “Сын” — Слово и “Святой Дух” — Жизнь. Ису, Сына Марьям, они называют “Сыном Бога” в смысле, подобном выражениям “сыновья пути” или “сыновья света”. Они говорят: “Слово”, являющееся Словом Божиим, соединилось с телом Мессии, Исы, как вода соединяется с вином, и огонь смешивается с огнем».

² Сура 3 «Семейство Имрана», аят 156/158.

Христианский догмат Троичности постигается не суждением, а верой: сам аль-Рази для себя его не принял. Но, во всяком случае, понимание христианства совершенно исключает приложение к нему понятия «кафр» — многобожие. Христианский мир может присоединиться к словам Ислама, направленным против еретиков из Найрана: «Не веровали те, которые говорили: “Ведь Аллах — третий из трех”, — тогда, как нет никакого божества кроме Единого Бога»³. Учитель Церкви Афанасий Великий говорил: «Христианская вера не велит нам исповедовать, что каждая Ипостась (Личность) есть особый Бог или Господь. Так же точно наша вера запрещает говорить, что существует три Бога и три Господа. Мы поклоняемся Одному Богу, Имеющему Три Ипостаси». По слову Библии: «Господь Бог, Господь Един есть. Он — Господь, это — Его Имя, и не даст Славы Своей иному и хвалы Своей истуканам»⁴.

Выяснение общих черт наших религий — это та граница, которую не следует переступать в православно-мусульманском диалоге. С точки зрения христианства Ислам есть Ветхий Завет, остановленный на пороге Нового: и это все. Антихристианских выпадов, подобных имевшимся в иудаистском Талмуде, — в Исламе, прославляющем Безгрешного Ису, нет и быть не может. Мусульмане, разумеется, считают свою религию более правильной, но признают, что христианский путь приводит к Всевышнему: и это тоже все.

Это во времена Халифатов мусульманские и христианские богословы к общему удовольствию могли устраивать всесторонние дискуссии. В наше сложнейшее время, когда межрелигиозная напряженность подогревается искусственно и искусно, такое для нас — непозволительная роскошь. Заострение наших расхождений, обсуждение взаимно заведомо неприемлемых догматов, полемика не может принести ничего, кроме вреда. Это не нужно ни мусульманам, ни нам. Так говорит Коран: «Аллах — наш Господь и ваш Господь: нам — наши деяния, вам — ваши деяния. Нет доводов между нами и вами: Аллах соберет нас, и к Нему — возвращение!»⁵ И в Библии сказано: «Кроткий язык — древо жизни, но необузданный — сокрушение духа»⁶. Нам важно и действительно необходимо

³ Сура 5 «Трапеза», аят 77/73.

⁴ Втор. 6: 4; Ис. 42: 8.

⁵ Сура 42 «Совет», аят. 14/15.

⁶ Притч. 15: 4.

не рассуждать о тонкостях учений, а выявить основы для взаимопонимания и общих благих дел.

Предвижу, что закричат по этому поводу некоторые «ревнители»: но как же христианская проповедь?! Таковым отвечу: надежды на широкий успех христианской миссии среди мусульман относятся к разряду беспочвенных мечтаний. А имя главного «мечтателя» мы знаем: это сатана. До сих пор протестантские миссии в исламских странах имели только один результат: вспышку мусульманского гнева, жертвой которого становились не только заезжие проповедники с горсткой прозелитов, но и местные христианские общины. Между православными и мусульманами никогда и нигде не возникало столкновений на религиозной почве именно потому, что Православие всегда соблюдало главное условие добрососедства с Исламом: невмешательство в его внутренние дела.

Нужно понимать, что представляет из себя мусульманский мир и как формируется мусульманское мировоззрение. В ряде арабских стран и мусульманство, и христианство имеют твердые исторические корни: там вмешательство извне просто неуместно. А в сознании тюркских и персидских народов Ислам представляет собой религиозно-национальный монолит. Узбек или таджик считает мусульманство основным элементом своей национальной принадлежности; перемена веры расценивается как измена родному народу. Потуги сектантов разрушить эту твердыню какими-то брошюрами и листовками, мягко говоря, наивны, но и хуже того — взрывоопасны. Наивно также думать, что мусульмане не обращаются в христианство только потому, что ничего о нем не знают: оно хорошо им известно. Мусульмане считают священными книгами не только Коран и Сунну, но также Пятикнижие Моисеево («Таурах»), Псалтирь Давидову («Зарур») и Евангелие Иисуса Христа («Инжил»). Евангелие переведено на все основные восточные языки и широко распространено в мусульманском мире: так что сведущие мусульмане делают свой религиозный выбор вполне сознательно.

У Русской Православной Церкви более чем достаточно забот с собственной паствой, расцерковленной атеистическим режимом СССР. Что же касается западных проповедников, — если они и впрямь считают себя христианами, пусть обратят внимание на собственные страны, где миллионы людей поганят свои души всеми видами смертного греха, — и займутся миссией у себя дома. А в мусульманском мире нравственная атмосфера неизмеримо

чище, чем на Западе, да и в нынешней России, отравляемой западной массовой культурой».

Опять-таки: это утверждение может показаться парадоксом, — но из всех мировых религий Православие и Ислам видятся наиболее близкими друг другу. Они идут как бы по параллельным путям: неподвижны в своих основаниях и не поддаются никаким «осовремениваниям», веруя в незыблемость Божественных установлений. Их сближают и высокие нравственные требования, которые эти учения предъявляют к своим верующим.

Православие обращено не во внешний мир, но во глубины души человека. Проповедь Православия тиха и мирна: это есть исповедание любви к Богу и людям, свидетельствуемое чистотою христианской жизни. Здесь никому ничего не навязывается, нет крикливых зазываний и хитрых заманиваний. Православная Церковь кажется малоподвижной (поэтому всяческие «ревнители» обвиняют ее в «омертвлении»): но на деле Она следует завету апостольскому — «не судит внешних», а неустанно готовит собственную паству для вечной жизни. Такой путь к Богу не может не вызвать уважения у приверженцев Ислама. И мусульман нам очень есть за что уважать: под гнетом богоборческого режима они сумели сохранить свою веру, они твердо хранят свои нравственные устои, они умеют почитать своих духовных наставников, родителей, старших, у них крепкие многодетные семьи, — всему этому нынешние православные могут у них поучиться.

Наши отношения должны строиться на основе знаменитого аята Корана о «близости по любви» между нами. Русский востоковед Саблуков перевел этот стих так: «Нет у мусульманина лучших друзей, чем христиане», — православным ли, верующим в Божественную Любовь, отказываться от предлагаемой Исламом дружбы?

В многонациональной Российской Федерации, где мусульманство является второй по значимости религией, непонимание между Православием и Исламом может стать смертельно опасным, — а взаимопонимание — может принести прекрасные плоды. Мы должны объединить наши усилия и в делах милосердия, и в борьбе с равно неприемлемыми для нас явлениями — духовным растлением народа, пропагандой разврата и насилия, наконец, с искажением образа наших религий в действиях псевдохристианских сект и лжеисламских экстремистов. Опыт такой совместной борьбы уже имеется. Кто поддержал Православную Церковь в протестах против демонстрации на НТВ чудовищного по богохульству фильма Скорсезе

«Последнее искушение Христа»? Ни одна из орудующих в России бесчисленных «конфессий и деноминаций» и словом по этому поводу не обмолвилась (так сектанты сами засвидетельствовали свое равнодушие к Христу Спасителю). Православных поддержали мусульмане, также возмущенные оскорблением Безгрешного Исы.

Наш общий враг — это и терроризм, одинаково противный и Православию, и настоящему Исламу. В заявлении Духовного управления российских мусульман по поводу бандитских терактов сказано: «С душевным содроганием и болью восприняли мусульмане России террористические акты, унесшие сотни жизней мирных граждан, среди которых беззащитные дети, женщины, старики... Мусульмане, как все люди доброй воли, осуждают эти жестокие бесчеловечные акты убийства невинных людей. Подобные действия противоречат принципам всех мировых религий, в том числе и Ислама».

Нельзя поддаваться на провокации «мировой закулисы», пытающейся насадить вражду между Православием и Исламом. У нас в памяти трагический опыт Ливана, где полыхала межрелигиозная резня, пока обе стороны не поняли: их натравливает друг на друга и извлекает из этого выгоду «третья сторона». Тогда мусульмане и христиане объединились в борьбе за спасение своей общей Родины: и Ливан выстоял.

Мусульманство, мнимой «агрессивностью» которого запугивают общество некоторые журналисты, — на деле может стать одной из главных державных скреп Российского государства. Знаменитый исповедник Христов, архиепископ Димитрий (Абашидзе), впоследствии — схиархиепископ Антоний, в свое время возглавлявший Туркестанскую епархию, свидетельствовал: «Мусульмане всегда были верными подданными Российской державы». Мусульманское просвещение — это единственный ключ к решению столь болезненной для России чеченской проблемы. Отраднo, что Президент России В.В. Путин назначил своим полномочным представителем — главой администрации Чечни — муфтия Ахмед-Хаджи Кадырова. Однако необходимо, чтобы роль духовных наставников для Чечни и впредь осознавалась по-настоящему.

По историческим меркам Ислам в Чечне еще очень молод: никакого сравнения с древним мусульманством узбеков или туркмен. Чеченцы еще не успели изжить так называемую «ярость неофитов», при которой духовная жизнь подменяется внешней активностью. Ваххабитам здесь удалось фальсифицировать лозунг внешнего джихада, который объявляется лишь в исключительных случаях.

Первой жертвой этого лжеджихада стали мусульмане Дагестана, второй — сами чеченцы. Для зрелого просвещенного Ислама первенствующее значение имеет не внешний, а внутренний джихад: «священная война», которую верующий ведет с грехом в собственной душе. Для суфизма — формы мусульманства, наиболее распространенной в Чечне, — внутренний джихад особо значим. Просвещенные шейхи способны положить конец ваххабитским спекуляциям на вере, отвратить людей от фанатизма и вернуть им душевный настрой, необходимый на любом суфийском тарикате (пути). Благотворное влияние мусульманства на чеченский народ было подорвано большевистским режимом: горькие плоды этого ныне вкушает Россия. Именно исламские наставники искореняли в Чечне дикий языческий обычай кровной мести. Только просвещенное мусульманское духовенство способно внушить верующим чеченцам ту истину, что религия, служение Всевышнему — неизмеримо выше родовых, тейповых установок. Только просвещенный Ислам в силах избавить Чечню от такой кромешной дикости, как терроризм, наркомафия, работоторговля. Тщетны надежды на то, что одним восстановлением экономики можно успокоить мятежный край. Экономика, безусловно, важна. Но разъяренного фанатика не остановишь, протягивая ему кусок хлеба, — его может вразумить лишь голос религиозного наставника. Если российские власти этого не осознают, но не сумеют сотрудничать с мусульманским духовенством Чечни, — республика еще долго будет оставаться кровоточащей язвой в теле России.

Что же касается ориентиров российской внешней политики: в отношении к уже не большевистской, а демократической России — Запад слишком наглядно продемонстрировал свое двуличие. «Обличительные» вопли по поводу борьбы с экстремизмом, изгнание российской делегации из ПАСЕ, раскрытые объятия для бандитских эмиссаров: так западные «демократы» поддерживают орудующих в Чечне палачей, террористов, наркодельцов, работоторговцев. Цель этой вакханалии очевидна: Западу желательна не сильная и процветающая, а измученная внутренними неурядицами Россия. И нужно быть до слепоты наивным человеком, чтобы продолжать верить в искренность «дружеских чувств», о которых говорят «западные партнеры». Конечно, нужно стараться «быть в мире со всеми людьми», да и запад отнюдь не однороден, но вспоминается горькая фраза императора Александра III Миротворца: «У России друзей нет», и его же горькая шутка: «У России все-таки есть два друга — это ее армия и ее флот». Однако многими веками раньше, во времена

Святой Руси прозвучали и иные слова — это завет благоверного великого князя Александра Невского: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». Это не столь мрачно, как изречение предпоследнего российского монарха. Россия действительно при желании может обрести искренних друзей в исламском мире, — прежде всего, конечно, в мусульманских странах Содружества.

Примечание

Митрополит Владимир (Иким Василий Захарович; 1 февраля 1940 г., с. Ново-Варзарешты, Молдавия) — митрополит Омский и Таврический, член оргкомитета мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». Выпускник Одесской Духовной семинарии (1958–1963), Московской Духовной академии (1963–1967 г., кандидат богословия). Из семьи крестьянина. 27 июля 1965 г. пострижен в монашество. В 1979–1988 гг. настоятель подворья Русской Церкви в Карловых Варах. В 1991 г. возведен в сан архиепископа. 25 февраля 2002 г. возведён в сан митрополита. Награды: орден св. блгв. кн. Даниила Московского II ст.; орден св. равноап. кн. Владимира II–III ст.; орден прп. Сергия Радонежского III ст.; орден свв. ап. Петра и Павла Антиохийской Православной Церкви; орден св. равноап. Нины Грузинской Православной Церкви; орден свв. равноап. Кирилла и Мефодия I–III ст. Православной Церкви Чешских земель и Словакии; медали Иерусалимской и Элладской Православных Церквей.

Книгу «...А друзей искать на Востоке. Православие и ислам: противостояние или содружество?» митрополит Владимир написал в годы своего архипастырского служения в мусульманских республиках Средней Азии (1990–2011).

Печатается по: *Владимир, архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. ...А друзей искать на Востоке. Православие и ислам: противостояние или содружество?* Ташкент, 2000. Глава VII. Принципы православно-исламского диалога.

